

Павел Гусев

ЖИЗНЬ,

ЛЮБОВЬ,

СТРАДАНИЯ

12+

Павел Гусев

Жизнь, любовь, страдания

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Гусев П. П.

Жизнь, любовь, страдания / П. П. Гусев — «ЛитРес: Самиздат»,
2016

Побасенки, притчи – это выдумки поучительно-сказочного содержания, написанные в жанре сатиры, но очень похожие на правду из жизни людей. На примере предметов быта и мебели автор высмеивает человеческие пороки, но делает это аккуратно, с очень тонким чувством юмора, по-доброму. Книга будет интересна как взрослым, так и подрастающему поколению с целью формирования общечеловеческих ценностей.

Содержание

Старое Кресло	6
Графин	7
Наслаждение	8
Ночь	9
Редактор	10
Подушка	11
Указания	12
Плошка	13
Очки и Ветер	14
Ласка	15
Сахарок	16
Незванный гость	17
В памяти остался	18
Сухой Лист	19
Веточка	20
Папироса	21
Канцелярская скрепка	22
Почему пирожок подорожал	23
Копилка	24
Седина и Чуб	25
Герой	26
Две Лопаты	27
Фужер	28
От чего легче становится	29
Подстаканник	30
Ваза и Горшок	31
Посуда	32
Шнурок	33
Кошелек	34
Исполнитель	35
Печать	36
Загубленный талант	37
Гордыня	38
Незваная гостья	39
Бадья	40
Своеобразная любовь	41
Мостик	42
Брус и Дверь	43
Образ жизни	44
Гудок	45
Неразлучные	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Гусев П.П. Жизнь, любовь, страдания

Старое Кресло

За многолетний труд Писателю подарили новое мягкое кресло, а старое, облезлое, со скрипучим жестким сиденьем, поставили в угол, прежде чем выкинуть.

Сел Писатель в новое кресло, поерзал, на стол облокотился и стал думать, что б такое написать.

– Ну-ну, посмотрим, что он напишет без меня, – ехидничало Старое Кресло. – Писатель, перед тем как творить, привык на меня облокотиться, за подлокотник ухватиться. Я ему руку пожимал и темы давал...

Так ничего и не придумав, Писатель отодвинул новое кресло, а старое поставил на прежнее место. Сел, похлопал по подлокотникам, радостно вздохнул и стал писать рассказ под заголовком «Старое Кресло».

Графин

Графин занимал на столе почетное место. Он праздновал день своего рождения и, переполненный по горлышко сладкими словами, хотел излить всем присутствующим сокровенный тост:

– Друзья мои! – начал он и только хотел продолжить речь, как Штопор забежал по бутылкам и с грохотом стал их открывать. Рюмки стали звенеть, пока не наполнились вином. Ложки застучали по тарелкам, пока в них не положили закуску.

Когда все стихло, Графин вздохнул и сказал:

– Друзья мои...

Тут Рюмки звонко стали чокаются друг с другом, Ложки зашлепали по тарелкам. Поднялся такой шум, что никто не услышал, о чем говорит Графин.

...Праздник закончился когда Штопор оказался под столом, поскольку был уже никому не нужен. Рюмки лежали на бывшей белоснежной скатерти, которая была в пятнах от закусок и вина. А Графин по-прежнему стоял на своем месте и переживал, что не смог излить гостям свой давно заготовленный тост. Он с грустью чувствовал, что сладкие слова в нем превратились в горечь.

На следующий день вся посуда на кухне трезвонила:

– Хороший день рождения был у Графина. Он нас так уважает! Весь праздник говорил: «Друзья мои! Друзья мои!»

Наслаждение

Лампочка каждый день старалась угодить Карандашу. Он ей очень нравился – был строен, высок и, когда проходил близко, нежно шуршал своим черным остроносым графитом. Лампочка ярко освещала ему стол, страстно желая угодить, чтобы он обратил на нее внимание. А Карандаш не замечал ее. Он увлекся бумажками и часто менял их. Ту, что понравилась, оставлял на столе и даже не раз возвращал к себе. А те, которые не понравились, бросал в корзину.

Лампочка долго терпела, и, в конце концов, воскликнула:

– Вот изменник, пожалей, взгляни на меня...

И стала то и дело моргать, чтобы он обратил на нее внимание.

Но Карандаш по-прежнему не отходил от своих бумажек. Лампочка не выдержала такого бесчувственного отношения и вспыхнула:

– Я весь свет и тепло ему отдала, а он меня не замечает. Видеть его не хочу!

И погасла.

Вскоре над столом светила новая Лампочка и тоже жаловалась, что Карандаш не смотрит на нее. Она не знала, что бумажки доставляли Карандашу поэтическое наслаждение...

Ночь

– Ты что стоишь у окна такая темная и печальная? – спросил я у Ночи.

– Мне грустно смотреть на тебя, – тихо ответила она. – Спать пора, а ты все работаешь за столом. Лампочка освещает себя – собой любит, светится от счастья. Она не жалеет тебя. Не жалеет...

Я бросаю работу, гашу свет, открываю окно. Впускаю Ночь. Она обнимает меня беззаботным спокойствием, провожает до дивана и шепчет:

– Лампочку бросай. Погубит она тебя!

Утром Ночи уже не было. Она, как всегда, ушла незаметно, когда я крепко спал.

Я знал: вечером Ночь обязательно заглянет ко мне в окно, будет печально темнеть и темнеть, сожалея, что я не послушался ее и по-прежнему сижу за столом с Лампочкой.

Редактор

Хохлатка-курица снесла авторское яйцо. Принесла его главному редактору Петуху, чтобы посмотреть, хорош ли материал. Петух постучал по яйцу коготком и сказал:

– Сырое произведение. Все всмятку, где что – не ясно. Вот было бы яйцо крутое – там скорлупа, белок, желток – все понятно!

Хохлатка возмутилась:

– Но из крутого яйца интересный, живой материал не получится. Цыпленка не высидишь!

– Мне виднее, – буркнул Петух.

Подушка

Как-то спальная Пуховая Подушка встретила с Тошей Подушкой, лежавшей на стуле.

– Какая же ты худая! – удивилась она.

– Будешь тут худой, если на мне хозяин весь день сидит, ерзает-ерзает, пока что-то не напишет или не устанет и отправится к тебе.

– Да! Да! – ответила Пуховая Подушка. – А ко мне он придет, обнимет, прижмется и спит. Хоть бы разок поерзал на мне, как на тебе...

Тошя Подушка тяжело вздохнула:

– Не завидуй. Была бы на моем месте – стала бы такая, как я!

Тут Пуховая Подушка задумалась, еще раз взглянула на соседку и сказала:

– Ты права. Не буду завидовать. Живется мне спокойно, вот и хорошо!

Указания

Бутсы гоняли Мячик по всему полю. Он метался из стороны в сторону, не зная, куда ему лететь, и очень устал.

– Ты почему такой вялый? – спросили его Бутсы.

– А я не знаю, что мне делать, – указаний не получал, – ответил Мяч.

– Так получи! – Бутсы с разбегу ударили по Мячу.

Он влетел в ворота, отлежался и сказал:

– Я согласен получать такие ценные указания. Это гораздо лучше, чем тебя бесцельно целый день пинать будут...

Плошка

Плошка, в которую наливали воду для Щенка, стояла на полу и с завистью смотрела на стол, где весело проводили время две Чашки, от которых веял запах ароматного чая.

– Как бы я хотела попробовать этот чай, – мечтала Плошка, и эти мечты не давали ей спать по ночам.

Однажды ее положили в мойку, а там оказались две ее знакомые Чашки:

– Как бы я хотела побывать в вашей компании и попробовать ароматного чая, – робко сказала она.

Чашки не успели ответить, появилась большая жесткая мочалка и стала тереть их так, что у них закрипели бока.

Выбравшись из мойки, Плошка встала на свое место и заохала:

– Не хочу, чтоб ради чая мне бока так намыливали. Мне и тут хорошо. Мы со щенком тоже весело живем: я ему водицы дам, а он гавкнет и радостно меня оближет.

В эту ночь Плошка спала спокойно.

Очки и Ветер

Ветер открыл Книгу, перебрал все страницы, затем удивленно посмотрел на Очки, смотревшие весь день в нее и прогудел:

– И что они видят на этих тощих страницах?! В них же одна пустота. Вот обложка гораздо интереснее, там есть цветные картинки.

И он, прошуршав еще раз по страницам, улетел.

На то и был он Ветер.

Ласка

Пачка мороженого всегда была холодна ко льду, который находился рядом с ней. Однажды ее взяли в руки, и она почувствовала незнакомое тепло. Ей было приятно от этих прикосновений. Тут пальцы стали ее нежно гладить и снимать обертку. Она не сопротивлялась, от такой ласки ей было удивительно хорошо. Рот горячими губами то и дело прикасался к ней, и Пачку бросало в жар. Она стала мягкой и податливой.

А потом Пачка стала быстро таять и скоро отдалась вся, без остатка.

Сахарок

Крепкий Сахарок лежал на столе и с упоением смотрел на красивую Чашу.

– Иди, иди ко мне, сладенький, – позвала Чаша.

Это была любовь с первого взгляда.

Сахарок сразу попал в горячие объятия, его закружило, завертело до самых глубин Чаши.

«Как это прекрасно!» – восторгался он.

А когда понял, что Чаша любит только сладкое и хотел освободиться от ее нежных объятий, сил уже не было – он растворился в чае.

А Чаша, насладившись, весело сказала:

– Хороший чаек получился! – и, увидев возле себя пачку сахарного рафинада, воскликнула: – Да у меня целая очередь сладеньких!

И стала ждать следующего Сахарка.

Незванный гость

Скатерть пригласила на чаепитие своих друзей – весь чайный сервиз.

Хозяйка встретила гостей, сверкая белизной, наглаженная, без единой складки. Блюда, чашки, ложечки звенели, гудели, радуясь встрече друг с другом. Все ждали Чайник с ароматным чаем. Но тут неожиданно пришел сосед Портвейн, по горлышко залитый вином.

– Я всех угощаю! – с ходу предложил он и стал разливать вино по чашкам, брызгая и пачкая скатерть.

Чашки, которые никогда ничего, кроме чая, не пили, возмутились:

– Мы ждали не тебя, а Чайник!

Скатерть хотела высказаться по поводу поведения Портвейна, но тут он залил ее вином. От такой грубости она поперхнулась и зашевелилась. Портвейн не устоял на столе и упал.

Пришел Чайник и, пыхтя, сердито сказал:

– Пустая бутылка! Все чаепитие испортила!

В памяти остался

Посуда в мойке судачила, звеня:

– На-до же, наш краса-авец Фужер решил себя на свадьбе показать: бросился со стола с криком: «За здоровье!» и разбился.

– Зато у всех на слуху и в памяти остался, – прошуршала посудная Мочалка, выдавшая разную показуху.

Сухой Лист

Пожелтевший Кленовый Лист лежал в толстой книге и наслаждался:

– Тепло, никто не тревожит. Хорошо! – говорил он сам себе.

Он мог еще долго так лежать, если бы не ветер, который перелистывая книгу, выхватил и поднял его на вершину дерева. Листья шумно зашелестели, приветствуя гостя:

– Здравствуй! Здравствуй!

Пожелтевший Лист ярко выделялся среди зелени. Он гордо выпрямил закрученный нос и небрежно бросил:

– Привет, отсталые! Все еще зелененькие?! стыдно на вас смотреть! Подумать только, так отстать от моды!

Листья зашумели, зашептались, хотели что-то сказать, да тут с набежавшей тучки упали капли.

– Ах! – громко сказали листья и подвинулись поближе друг к другу.

Пошел дождь, но листьям было не страшно. Вода ручейками скатывалась с них, точно с зонтика.

– Ой! – вскрикнул сухой Лист, промокая, и бросился под зеленую листву, где, как он помнил с детства, ни одна капелька не попадала на него.

Но не долетев, он упал и рассыпался.

После дождя зеленые листья долго искали яркого желтого собрата, но так и не нашли.

Позже они шуршали:

– А может, его и не было, а?

Веточка

Возле дачного дома рос маленький Кустик. Со временем он стал большим Кустом с красивыми листьями и ровными, как на подбор, веточками.

Каждое утро Куст радостно встречал солнце, поворачивал к нему листья, а если шел дождь, то с удовольствием принимал теплый душ.

Так Куст жил изо дня в день, пока однажды одна из веточек не выросла выше всех.

Тут зашуршали и зашумели Листья:

– Не высывайся! Ты испортишь вид всего Куста. Это очень плохо кончится.

А Веточка мечтала узнать, что там, далеко за домом. Она вытянулась, увидела луга, усыпанные цветами, пшеницу с золотистыми колосьями, деревья, упирающиеся в облака и счастливо воскликнула:

– Как это чудесно! – хотела уже рассказать об увиденном своим друзьям, но тут лязгнули садовые ножницы и срезали Веточку.

Падая, она успела произнести:

– Говорили же мне – не надо высываться!

Папироса

Папироса лежала на дороге и голосила:

– Какой негодяй! Меня только что целовал, довел до возгорания, я даже наполовину сгорела, а он меня выплюнул. Какая неверность! Где же справедливость?

Канцелярская скрепка

– Не хочу в коробке прозябать! – возмутилась Канцелярская Скрепка. – Тут, если залезть в расцвете сил, то заржавеешь и никому уже не будешь нужна.

И она вывалилась из коробки на стол. Ее увидел чистый Лист Бумаги и сказал:

– Хочу с вами познакомиться.

– С тобой знакомиться не хочу! – ответила она. – Ты пуст, даже запятой на тебе нет. Вот когда нужные слова на тебе появятся, может быть, тогда и подружимся. Да и то вряд ли: одного Листа для меня мало.

И тут появились два листа, испещренные словами сверху донизу и слегка помятые – видно, потрудились на славу.

– Вот кто мне нужен! – воскликнула Скрепка обрадованно. – С ними не пропадешь, в них что-то ценное есть! Ухвачу так, что они никогда не отцепятся.

Сделав это она проговорила:

– Жаль, что листов только два!

Почему пирожок подорожал

Выпил водки человек, а закусывать пошел к палатке. Взял пирожок, съел его, с продавцом поговорил и вскоре захмелел.

«Странно, – подумал продавец, – после пирожков все пьянеют. Наверное, там спирт!»

И пирожки подорожали в три раза.

Копилка

Молодой Кот увидел красивую глиняную Кошку. Она сидела, задрав мордочку, была гладкой и привлекательной. Кот залюбовался ею и сказал:

– Давай станем друзьями!

– Я просто так ни с кем не дружу, – ответила Кошка. – Вот принесешь пяточок – и тогда я тебе ласково промурлычу. А потом посмотрю, способен ли ты со мной дружить.

– Хорошо, – согласился Кот.

Вскоре он нашел пяточок, положил в рот Кошке. Она его проглотила и приятно зазвенела.

– Как замечательно мурлычет Кошка! – восхитился Кот. – Я, наверно, тоже ей понравился. Видно, она – моя судьба!

И стал каждый день носить ей деньги.

Спустя время он устал, похудел в поисках монет, а ей все казалось мало.

– Еще пяточок! Еще гривенник! – вызывала она.

Время шло. Кошка была уже полна. Кот попытался засунуть в нее еще монету, но та не лезла. Кот стукнул по монете лапой, Кошка раскололась на черепки и все деньги рассыпались.

– Ах, – удивился Кот, – это же копилка! Как я раньше не заметил? А еще хотел с ней свою судьбу связать. Видно, любовь затмила мне разум...

Седина и Чуб

Черный Чуб восседал на голове. Он радовался жизни, и ему никто не был нужен. Но незаметно к нему стала подбираться Седина, потому что он ей нравился:

– Ты мне не нужна. Мне тут и без тебя хорошо, – сказал Чуб Седине.

– Да ты без меня не обойдешься, – ответила она. – Раз пришла, то уже не уйду!

И скоро овладела им полностью. Чуб стал белым и очень переживал.

– Ты сильно-то не огорчайся, – успокаивала его Седина. – Вот если бы к тебе пришла моя подруга Лысина, она бы оставила тебя без единого волоска. Так что я – твое спасение. Радуйся!

Чуб поглядел на себя в зеркало, взвесил все «за» и «против» и успокоился.

– А что, я еще молодец!..

Герой

Когда Занавес поднимали и начинали концерт, он недовольно ворчал:

– Все зрители концерт смотрят, а я под потолком торчу и ничего не вижу!

Когда заканчивался концерт, Занавес опускали, зал взрывался аплодисментами и криками восхищения, и он радовался:

– Вот всегда так: стоит концерту закончиться, как меня все с восторгом встречают. Видно, я главный Герой!

Две Лопаты

Две новые Лопаты завели разговор:

– Не хочу я копать землю! – говорит Первая. – Вся в грязи изваляешься, от усталости свалишься. Спрячусь в угол, полежу, никто меня не заметит.

Так и сделала. А Вторая стала копать. Устанет, отдохнет – и снова трудится. Железо уже стало блестящим, черенок отполированным, лучше, чем был когда-то.

Увидела ее Первая Лопата и удивилась:

– Какая ты видная! Не то, что я, развалюха – черенок гниет, сама поржавела...

– Пойдем со мной. Поработаешь – станешь как я, – позвала ее сверкающая Лопата.

– Нет уж, я здесь останусь, – сказала Первая Лопата, а сама подумала: «Что-то мне не договаривает моя подруга. Ну как это можно – работать и не стареть?»

А Вторая Лопата прекрасно знала: если все время лежать – постареешь раньше времени.

Фужер

Рюмки наполнились вином, гулко чокались, завели деловой разговор. Тут к ним присоединился Фужер. Чокнулся со всеми Рюмками и стал приставать с ненужными разговорами. Но на него никто не обращал внимания. Он был пуст.

От чего легче становится

– Посмотрите на эту Тахту! – возмущалась маленькая пуховая Подушка, которая лежала на ней. – Развалюха, а все старается омолодиться. Накрылась красивым покрывалом и думает, что никто не увидит ее горб, торчащие по бокам пружины, не услышит стонущий скрип.

– А ты посмотри на себя! – вмешался Трельяж, стоящий неподалеку и видевший многое на своем веку. – Сама-то вся износилась, вытерлась и истрепалась...

– Не может быть! – оторопела Подушка, оглядела себя и ужаснулась: – Надо обязательно надеть наволочку, и непременно с красивым вышитым узором. Это скроет мою старость...

Она замолчала, еще раз взглянув на еле дышащую Тахту. А Трельяж проворчал:

– Так всегда бывает: радуются когда у соседей что-то плохо, себя внимания не обращают.

Подстаканник

Стакан сидел в Подстаканнике как в кресле и говорил:

– Мы – друзья! Куда ты, туда и я!

Но однажды Стакан треснул и раскололся. Его заменили. Подстаканник тут же забыл старого друга и сказал новому Стакану:

– Куда ты, туда и я!

Подстаканник был из толстого металла, и жесткость в нем была вечна.

Ваза и Горшок

Красивая высокая Ваза была украшением зала. Рядом с ней находился некрасивый глиняный Горшок.

– Сударыня, – обратился Горшок к Вазе, – разрешите, я к вам немножечко подвинусь. Вы такая красивая, моя неказистость возле вас будет менее заметна.

– Не позволю! – возмутилась Ваза. – Ты своим видом испортишь мою красоту. Я многое прошла, чтобы быть в этом зале. Была глиной, меня мяли, мяли и сделали Вазой. Потом огонь обжигал со всех сторон, пока не превратил в красавицу. Надо и тебе пройти Огонь и Воду.

– А без Воды и Огня можно стать красивым? – спросил Горшок.

– Нет! – категорически ответила Ваза.

Тут в Горшок положили огромный букет алых роз, и он стал самым красивым экспонатом в зале.

Посуда

– Почему ты быстро изнашиваешься и тебя выбрасывают? – спросила алюминиевую посуду ее серебряная соседка. – Я же живу сотни лет и стою, как новая.

– Потому, что я тружусь день и ночь. А тебя выставляют только на показ, вот и живешь долго, – ответила та, тяжело дыша.

Шнурок

У Туфельки развязался Шнурок и тащился по тротуару.

– Тяжело так жить! – вздохнул Шнурок. – Старая туфля шмыгает да скрипит. Никакой радости нет! А кругом – красивые Туфельки, Босоножки. Все лаком сверкают, духами пахнут – одно удовольствие. Пойду, найду что-то посимпатичнее. Да они и сами так и норовят со мной познакомиться: то одна Туфелька наступит на меня, то другая остановит. Тянут к себе, заигрывают, особенно старается остроносая Босоножка. Вся оголилась, уцепилась за меня и не отпускает. Видно, я ей очень понравился, – решил Шнурок и вылез весь из старой Туфельки.

– Я готов пойти с вами куда угодно! – радостно заявил он Босоножке.

Та ничего не ответила, сморщила свой лакированный блестящий носик, освободила его из-под шнурка и ушла.

Остался Шнурок на тротуаре один.

Нет ни старой Туфельки, ни Босоножки. Никому он стал не нужен, кроме Метлы, которая уже шла ему навстречу.

Кошелек

– Какой простор! – воскликнул Рубль, распластавшись в пустом кошельке. Раньше мы все здесь с трудом втискивались и я всегда был весь помят. А теперь один лежу. Хорошо...

Исполнитель

Футбольный Мяч носился то к одним воротам, то к другим и везде слышал, что его ругают. Особенно усердствовали Сетки: когда он приближался, они зло шелестели:

– Не попадешь, неуклюжий пузан!

Мяч обиделся и так разозлился, что обратился за помощью к Бутсам. Те помогли незамедлительно, и он, чуть не порвав Сетку, пулей влетел в ворота.

«Может лучше один раз оказаться с помятым боком, чем слышать бесконечную ругань... – с трудом отдышавшись, подумал Мяч и вздохнул: – Видно, это решают Бутсы, я ведь только исполнитель».

И опять помчался по полю.

Печать

О том, что Печать обладает большой властью, Карандаш узнал лишь после того, как его нашли под плинтусом, где он прятался от Бумаги (где бы он ни скрывался, его всегда находили и возвращали к ней). В тот раз для решения вопроса о поведении Карандаша пригласили Печать. Она потребовала посадить его в тесный подстаканник, чтобы никуда не скрылся и был у всех на виду. Затем удостоверила документ, что он должен быть верен Бумаге, и ушла, оставив унылый Карандаш в ограниченном пространстве.

Загубленный талант

Половица разговаривала с водопроводным Краном:

– Как хорошо ты гудишь! Душа радуется...

– А ты, соседка, хорошо скрипишь, – польстил ей в ответ Кран. – Слушаю – не слушаюсь. Только вот удивляюсь: Скрипка, как и ты, сделана из дерева, ее слушают с утра до вечера и хвалят ее талант. Наверно, потому, что она громко играет. Вот и тебе бы надо так скрипеть, чтобы все слышали и хвалили.

Послушавшись Крана, Половица заскрипела так, что все в доме проснулись. Утром пришел мастер, вбил в нее гвоздь – и она умолкла.

Кран долго гудел, возмущаясь:

– Талант загубили!

Гордыня

На соревнованиях спортсмен с легкостью преодолевал все препятствия одно за другим. Победа уже была близка, соперник далеко позади.

«Можно и расслабиться», – подумал он, замедлил бег и просчитался: соперник финишировал первым.

– А все гордыня, – сказал тренер спортсмену. – Готовься, будем ее выгонять, каждый день тренироваться. Уйдет гордыня только с потом.

Незванная гостья

У хозяйки дома новоселье.

Гости изрядно напились горячительных напитков и задремали. Тут прилетела Муха. Полазила по столу, осмелела, прошлась по всем тарелкам, наелась досыта и отпила вина из рюмки. Захмелела и решила: «Это в честь меня стол накрыли. Я же редкий гость!»

Села на цветок, который тоже, думала, ей подарили, устроилась поудобнее, листочком прикрылась и задремала.

Тут приятельница прилетела.

– По какому случаю гулянка? – спрашивает.

– Я с друзьями встречаюсь, – отвечает захмелевшая Муха. – Меня тут все знают. Я здесь как родная. Смотри, как меня уважают!

И она стала приставать к гостям, а те от нее отмахиваются.

Муха говорит подруге:

– Видишь, как меня приветствуют, ладошками машут. Я тут хозяйка, угощайся, сколько тебе заблагорассудится.

Села приятельница Мухи на стол – и ее тут же прихлопнули.

– Не признали своей, видно, только меня уважают.

Муха хлебнула еще вина и сказала:

– Теперь посплю, а потом опохмелюсь.

И шлепнулась в знакомую рюмку.

Бадья

Колодезный Журавль смотрел в небо, чтобы отвлечься от ворчливой Бадьи.

– Жить с тобой невозможно! – возмущалась она, звеня цепью. – Ты все время глядишь вверх, чтобы увидеть свою Тучку. Совсем забыл меня. Я утоплюсь! Непременно утоплюсь!

И она бросалась в колодец.

– Ну и топись! – скрипел Журавль.

Потом думал, что правда утонет, и вытаскивал ее. Они же с ней были обручены и связаны одной цепью на долгую жизнь. Куда денешься?

Бадейка побулькает, обсушится, видит, что Журавль по-прежнему уставился в небо, и снова громыкает цепью:

– Не вздумай теперь меня вытаскивать, – шумела она. – Ты мне опостылел! – и где-то глубоко в колодце громко шлепалась в воду.

– Уф, отдохну, – скрипел Журавль. – Мне все это надоело...

Подождет немного, а потом спохватится:

– И правда утонет! Я один останусь. Повздорить будет не с кем. Скучно станет. Она же близко, а Тучка далеко.

И опять Журавль вытаскивал Бадью. Она освобождалась от воды, чуть-чуть обсыхала и снова за свое:

– Топиться буду!

– Видно, у меня судьба такая, – вздыхал Журавль. – Привередливая Бадья досталась. Придется смириться.

Своеобразная любовь

Красивая Бабочка летала по полянке в поисках своей Любви. Но с кем бы она ни знакомилась, всех отвергала.

– Не приставай ко мне! – говорила она Солнечному Лучу. – Ты жарко греешь, и мне это не нравится.

Ветер к ней подлетит, а она ему:

– Отстань, ты холодный!

Отказав в дружбе и Васильку, она, взмахнув ажурными крыльями, отправилась искать знатного ухажера. И тут увидела Сачка. Он пытался ловить знакомых ей бабочек, которые в ужасе улетали прочь.

«Я бы от Сачка никуда не улетела, – подумала она. – Он красив, ему так идет оранжевый цвет. К тому же он большой и, видно, сильный. Именно такого я бы полюбила!»

А Сачок тут как тут. Изловчился и накрыл Бабочку. Лежит она под ним и радуется:

– Как здесь уютно, тихо! Нет приставучих Луча, Ветра и Василька...

Сачок перенес Бабочку в стеклянную банку, где было много ее знакомых. Они бились о стекло, стараясь как-то выбраться.

– С кем же я познакомилась? – испуганно воскликнула она.

– С коллекционером бабочек, – ответили ей. – У Сачка любовь к нам своеобразная.

Мостик

Маленький Мостик лежал над ручьем и радовался жизни, хотя ему было очень тяжело: солнце жгло, дождь мочил, ветер дул, по нему ходили, бегали, прыгали. Но он на это не обращал внимания.

Со временем у него расшатались дощечки, которые могли отвалиться, и о нем уже стали говорить:

– Износился, пора отправить на дрова!

Тут еще ветер стал его донимать, раскачивать из стороны в сторону. Однажды так сильно дунул, что Мостик упал в ручей, где его залило водой и завалило грязью.

– Если я буду так лежать, меня совсем засыплет землей, – заволновался он. – А я еще полон сил и хочу послужить всем на радость.

Он вспомнил солнышко, дождь, ветер, пешеходов, и ему без них стало грустно.

Мостик стряхнул с себя грязь. Ручей хотел было его подхватить и унести, но он сопротивлялся изо всех сил и причалил к бережку. Его подняли, починили дощечки, положили над ручьем и укрепили так, чтоб ветер не сдул.

И Мостик радостно воскликнул:

– Жизнь можно продлить, если за нее будешь бороться!

Брус и Дверь

Познакомился крепкий дубовый Брус с Дверью. Она пахла свежим деревом, и ее красивая текстура была покрыта желтой блестящей олифой.

Брус не сводил с нее взгляда. Она ему очень понравилась, и он прижал ее к себе двумя металлическими петлями. Ей это тоже понравилось, и она плотно прильнула к нему. Порой если и отходила, то ненадолго, и опять возвращалась. Ни разу не было слышно, чтобы она недовольно скрипнула. Это была любовь!

Остальные бревна дома, которые окружали их, гудели:

– Вечной любви не бывает. Это все временное увлечение, близость надоест и все пройдет...

Спустя годы Брус осел, Дверь усохла и стала скрипеть на весь дом. Но Брус, как в молодости, по-прежнему держал ее своими петлями, и она чувствовала себя уверенно и крепко, несмотря на появившиеся трещинки.

Бревна удивлялись постоянству Бруса:

– Многие уже сменили не одну дверь, а он все этой верен. А она чем старше становится, тем с большим трудом отходит от него.

Брус трогательно заботился о Двери. Только та заскрипит – он зовет масленку, и шума как не бывало.

– Любовь наша не стареет, моя близкая! – шептал Брус Двери.

И она к нему прижималась так, что не оторвешь. Видно, их навеки заклинило вместе.

Образ жизни

Термос с чаем и Бутылка с вином познакомились на полянке.

– Я, – начал разговор Термос, – всю жизнь путешествую. Вот сейчас отдохну и дальше пойду искать неведомое.

– А я, – перебила его Бутылка, – дальше этой поляны никуда не уйду. Опустошат меня, бросят – и останусь здесь навсегда!

– Очень мне тебя жалко, – вздохнул Термос и покинул Бутылку.

Прошло много времени, и однажды одна сверкающая на солнце Бутылка спросила его:

– Не узнаешь меня, Термос? Это я, твоя знакомая. Теперь я с минеральной водой. Без меня не обходится ни одно путешествие! – и она счастливо запузырилась.

«Вот что значит сменить свой образ жизни!» – подумал Термос.

Гудок

Гудок паровоза заклинило, и он загудел громко и непрерывно. Напуганные птицы улетали, люди, заткнув уши, убежали.

Гудку стало весело:

– Как я всех напугал! Раньше все сидели тихо, никто на меня внимания не обращал, а теперь пальцами показывают...

Но вскоре пар у него весь вышел, Гудок умолк и превратился в тихий Свисток. Это понравилось всем, кроме него самого.

– Как жаль, что я стал Свистком! – загоревал он. – Теперь без меня все успокоились. Никакой суеты, никакой радости. Разве это жизнь?!

Неразлучные

– Что вы все время ерзаете на мне? – возмутился Нос, обращаясь к Оправе. – Если плохо видите, поменяйте линзы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.